

**РАЗВИТИЕ ТИПОГРАФСКОГО И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**

Е.Г. Кирьянова

В статье анализируются предпосылки возникновения книгопечатания в российской провинции, исследуется законодательная база создания провинциальных предприятий печати, прослеживается его становление на фоне общего развития отрасли в стране в конце XVIII – первой половине XIX в. Исследование базируется на достижениях отечественных учёных, законодательных актах исследуемого периода и архивных материалах

Ключевые слова: типографское дело, издательское дело, российская провинция, полиграфическое производство

Вплоть до 70-х гг. XVIII в. книгопечатание в России являлось исключительной прерогативой государства и осуществлялось преимущественно в Москве и Петербурге¹. В результате преобразовательной деятельности Екатерины II появились условия для его возникновения в провинции. Развитие просвещения, общественной мысли, активизация торговли и промышленности, усиление административной деятельности придали книгоизданию невиданный прежде размах. Важную роль в распространении типографского дела сыграли областная реформа (1775), городская полицейская реформа (1782) и «Жалованная грамота городам» (1785). Их осуществление породило многочисленные административные организации, потребовало большого количества грамотных чиновников, ускорило образование. Спрос на книги не только возрос, но и качественно разнообразился. Потребности в печатной продукции превзошли возможности казённого производства, со всей очевидностью обозначилась необходимость расширения и иной организации типографского дела.

Определяющую роль в повсеместном распространении печати на данном этапе сыграла правительственная инициатива. Отмечая эту особенность, Н.А. Энгельгардт писал: «Первую русскую газету создал Пётр I. Первый русский журнал – Екатерина II. Печать в России возникла по почину свыше, была создана революцией, шедшей сверху. Поэтому сначала... являлась орудием личных целей Петра и Екатерины и не могла противоречить их намерениям»².

¹ По данным Б.П. Орлова, из 13-и действовавших в России в 1771 г. типографий лишь одна в Ревеле, созданная ещё до присоединения Прибалтики к России, принадлежала «партикулярному типографщику» Рейсперу. См.: Орлов Б.П. Полиграфическая промышленность Москвы: Очерк развития до 1917 г. М., 1953. С. 101.

² Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904. С. 8.

Оказав поддержку наукам и просвещению, пробудив политическую и критическую мысль, власть, с одной стороны, стимулировала развитие книгопечатания, с другой – никогда не упускала из виду необходимость его регламентации, введения и совершенствования цензуры. Именно в этот период оформилось представление о книгопечатании как об определённой сфере деятельности, были заложены основы развития частного и казённого предпринимательства, а вместе с тем определён порядок контроля за предприятиями, выпуском и обращением печатной продукции. В 1771 г., с открытием в Петербурге первой партикулярной типографии немецкого подданного И.М. Гартунга, в России прекращается действие двухсотлетней государственной монополии на книгопечатание³.

Впоследствии Указом о создании типографий при наместнических правлениях (1773) была предпринята попытка массированного «вывода» печати за пределы столичных городов. Однако провинция настолько ещё не нуждалась в местном печатном слове, что за последующие десять лет здесь не появилось ни одной подобной типографии⁴.

Принципиальное значение для продвижения книгопечатания в глубинку имел Указ о вольных типографиях (1783), который позволил открывать их «каждому по своей воле [...] не требуя ни от кого дозволения». В результате в Ярославле была учреждена типографическая компания Н.И. Коковцева, Н.Ф. Уварова и А.Н. Хомутова (1784). В Тамбове открылась типография Г.Р. Державина (1786), в Тобольске – В.Я. Корнильева (1789), в Костроме – Н.С. Сумарокова (1792), в Калуге – П.С. Батурина⁵.

Одновременно увеличилось число казённых типографий. В конце XVIII в. они действовали в восемнадцати городах: Астрахани, Владимире, Воронеже, Вятке, Калуге, Киеве, Костроме, Курске, Москве, Нижнем Новгороде, Перми, Саратове, Смоленске, Петербурге, Тамбове, Тобольске, Ярославле и при Новороссийской губернской канцелярии в Кременчуге⁶.

Многие казённые типографии (в Воронеже, Костроме, Владимире) появились после запрета «вольных» типографий, вследствие их вынужденного закрытия и «уступки» губернским правлениям в Астрахани, Владимире, Воронеже, Вятке, Калуге, Киеве, Костроме, Курске, Москве, Нижнем Новгороде, Перми, Саратове, Смоленске, Петербурге, Тамбове, Тобольске, Ярославле и при Новороссийской губернской канцелярии в Кременчуг⁷. Если в Москве и Петербурге книгопечатанию был нанесён серьёзный ущерб, то в провинции, где было закрыто только три типографии⁸, которые, впрочем, под действием указа отошли к губернским прав-

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 1. Т. 19. 1771. № 13572.

⁴ Щелкунов М. И. Искусство книгопечатания в его историческом развитии. М., 1923. С. 199.

⁵ 400 лет русского книгопечатания. М., 1964. Т. 1. Русское книгопечатание до 1917 г.: 1564–1917. С. 204–206; Блюм А.В. «Блаженства райска плод вкушаем в Ярославле...» // В мире книг. 1984. № 9. С. 56.

⁶ Подсчитано по: 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. С. 203–206; Орлов Б.П. Указ. соч. С. 299.

⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 23. 1796. № 17508.

⁸ В Тамбове, Тобольске и Костроме. См.: Блюм А.В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVIII – начала XIX в. // Книга. Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 12. С. 136–159.

лениям, за счёт притока опытных столичных предпринимателей типографская деятельность даже оживилась⁹.

Наряду с городскими типографиями в последней четверти XVIII в. действовали и сельские типографии: И.Г. Рахманинова в с. Казинке Тамбовской губернии, Н.Е. Струйского в с. Рузаевке Пензенской губернии¹⁰.

Возросли объёмы книгоиздания. Только за последнюю четверть XVIII в. в России было выпущено 6585 книг, в то время как на протяжении всего столетия – 11 000¹¹. Появилось много новой периодики. Если в 1771 г. выпускалось 12 contemporaneous editions, то в 1800 г. – уже 60¹².

Вместе с тем широкое распространение книгопечатания в последней четверти XVIII столетия было ещё невозможным. Как правило, типографии на местах основывались лишь благодаря содействию губернских властей и отдельных влиятельных лиц, которые по тем или иным причинам были заинтересованы в выпуске издательской продукции. Низкий уровень культуры и грамотности населения, недостаточный промышленный потенциал страны сдерживали развитие печати. Особое значение в подобных условиях обретали меры государственного регулирования и протекционизм.

Новый импульс развитие отечественного типографского дела получило в царствование Александра I. Либеральные преобразования первых лет правления: снятие запретов на печатание и ввоз иностранной литературы, восстановление свободы предпринимательства в сфере печати, отмена предварительной цензуры и, наконец, разработка в 1804 г. самого либерального за всю историю цензурного законодательства самодержавной России устава – ускорили рост печатного производства¹³. С 1801 по 1805 г. новые типографии открылись в Рязани, Уфе, Пензе, Екатеринбурге, Петрозаводске, Пскове, Харькове¹⁴. Немаловажное значение в этом имели правительственные меры по унификации бланков ведомственной документации и замене их рукописных форм печатными. С усилением бюрократизации государства потребность в акцидентных работах нарастала¹⁵. Однако централизованное изготовление бланков в масштабах огромной империи из-за колоссальных временных и финансовых затрат на их рассылку становилось невозможным. Назрела необходимость налаживания их печатания на местах.

⁹ Примером служит история типографии Владимирского губернского правления, созданная в 1797 г. московским типографом Пономарёвым на базе собственного заведения (См.: Орлов Б.П. Указ соч. С. 116).

¹⁰ В некоторых публикациях упоминаются ещё типографии: Н.И. Новикова в с. Пехлеце Рязского уезда Рязанской губернии, А.Н. Радищева в Малоярославском уезде Калужской губернии, а также типография в с. Давыдовке Ярославской губернии.

¹¹ История книги /Под ред. А.А. Говорова и Т.Г. Куприяновой. М., 2001. С. 166.

¹² Орлов Б.П. Указ соч. С. 100.

¹³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 24. 1800–1801. № 19387; Т. 27. 1802–1803. № 20139, № 20210; Т. 28. 1804–1805. № 21388.

¹⁴ Куфаев М.Н. История русской книги в XIX в. Л., 1927. С. 49. Вместе с тем, В.П. Семенников пишет, что никаких новых частных предприятий в провинции не возникло, а в казённых книгоиздании осуществлялось в редких случаях. См.: Семенников В.П. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII – начале XIX в. Общий очерк типографского дела в провинции с 1765 по 1807 г. // Русский библиофил. 1911. № 6. С. 24.

¹⁵ Акциденция (от латинского «случайный») – малые наборные типографские формы: визитки, счета, бланки, пригласительные билеты, а также титульные листы, газетные и журнальные объявления, обложки, характеризующихся широким применением разных кеглей, украшений и клише (См.: Басин О.Я. Полиграфический словарь. М., 1964. С. 14).

С претворением в жизнь министерской реформы переход к использованию унифицированных форм документации ускорился и осуществлялся более масштабно, захватив различные структуры гражданского, а затем и духовного ведомств. Так, в мае 1806 г. был опубликован указ Св. Синода «О форме метрических книг»¹⁶. В облегчение труда церковно- и священнослужителей, занимавшихся разножкой метрических книг вручную, впредь их полагалось заготавливать типографским способом, причём печатание разрешалось как в Синодальной, так и в местных типографиях.

Растущая по мере бюрократизации государства потребность в увеличении акцидентного печатания в сочетании со стремлением власти иметь на местах подконтрольные печатные предприятия привели к быстрому росту казённых типографий. К 1807 г. по стране насчитывалось уже 54 предприятия различных административных структур, около 30 % из них действовали в Москве и Петербурге. Соотношение казённых и частных типографий выражалось как 42 к 12-и. В провинции преобладание казённого печатания было ещё более выраженным. По данным М.Н. Куфаева, на 39 казённых и ведомственных типографий здесь приходилась лишь одна частная¹⁷.

Положение закрепил Указ 1807 г., предписывающий повсеместное создание типографий при губернских правлениях¹⁸. По мнению исследователей, именно он явился этапным в становлении провинциальной печати¹⁹. Действующие в пределах империи губернские типографии принимались на казённое содержание. В этих целях на каждую из них отпускалось по 20 310 руб., а затем ежегодно выплачивалось по 4215 руб. Вновь создаваемые предприятия поддерживались на тех же финансовых условиях.

Как следствие – численность губернских типографий возросла. С 1811 г. и до начала 1830-х гг. открылось девять новых типографий. К 1833 г. их насчитывалось уже 34²⁰.

По мере роста учредительной практики пересматривался порядок регистрации и контроля предприятий. В 1802 г. типографии, находящиеся в соответствии с Указом о вольных типографиях (1783) в ведении управ благочиния, перешли под контроль Министерства народного просвещения. С 1804 г. их деятельность стала осуществляться в соответствии с положениями нового Цензурного устава.

С 1809 г. начала публиковаться серия законоположений, направленных на ужесточение и централизацию цензуры. Любые сочинения могли теперь печататься только после «предварительного рассмотрения оных учреждениями цензуры»²¹. С 1810 г. вводится государственный учёт печатной продукции. «Местам и лицам», занимавшимся издательской деятельностью, было предписано доставлять в Министерство народного просвещения экземпляры новых книг и журналов, чтобы оно «имело полные сведения по книгопечатанию по всей империи»²².

¹⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 29. 1806–1807. № 22118.

¹⁷ Куфаев М.Н. Указ. соч. С. 50.

¹⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 29. 1806–1807. № 22579.

¹⁹ Семенников В.П. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII – начале XIX в. С. 24.

²⁰ 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. С. 291.

²¹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 103.

²² ПСЗ. Собр. 1. Т. 31. 1810–1811. № 24341.

Ещё более значительные перемены происходят в 1811 г. Функции контроля над типографиями и обращением печатной продукции частично отходят Министерству полиции, что окончательно нивелирует либерализм Цензурного устава 1804 г. Наблюдение за недопущением к обращению недозволённых книг, журналов, «мелких сочинений и листков» осуществляет теперь Особая канцелярия нового министерства²³.

Меняется система регистрации предприятий. Если ранее открытие типографий разрешалось «каждому по своей воле» (1802), то теперь вводится концессионный порядок их учреждения, а ответственность выдачи разрешений делится между двумя министерствами. Регулирование частного предпринимательства становится прерогативой министра народного просвещения, после предварительного свидетельствования благонадёжности просителей Министерством полиции. «Попечение» о заведении типографий при губернских правлениях принимает на себя Министерство полиции²⁴.

Однако многочисленные законодательные ограничения не смогли помешать поступательному развитию типографского дела. Оно осуществлялось в направлении неуклонного, хотя и медленного роста предприятий разных форм организации, совершенствования техники и технологий печатания, увеличения объёмов и разнообразия выпускаемой продукции. Так, если в 1811 г. в империи действовало 106 типографий, то в 1833 г. – уже 180²⁵. С 1833 по 1840 г. было выпущено 6151 наименование различных изданий, т. е. в 8,5 раз больше, чем за период с 1801 по 1805 г. Книга увеличилась в объёме в среднем до 13 печатных листов. Более многочисленными, по 2000 экземпляров и свыше того, стали тиражи изданий²⁶. Почти в 1,5 раза с 1836 по 1862 г. увеличилось число газет и журналов²⁷.

Одновременно происходят очередные изменения в правовом регулировании типографского предпринимательства. В 1829 г. полномочия выдачи разрешений на открытие новых предприятий окончательно переходят Министерству внутренних дел²⁸. При сохранении ранее введённого концессионного порядка создания заведений печати, контроль их деятельности в соответствии с положениями нового, третьего по счёту Цензурного устава, принятого в 1828 г., ужесточается.

Дальнейшее развитие получает политика покровительства официальной печати, которая находит проявление в повсеместном распространении официальных периодических изданий и планомерном закреплении привилегий предприятий от казны. К началу 30-х гг. XIX в. деятельность многих из них пришла в упадок. Иллюстрацией тому служит рапорт смотрителя тамбовской типографии Весёлкина, в котором он убедительно изобразил состояние полной разрухи²⁹. Типографии едва обеспечивали нужды казённого печатания. Слабый технический потенциал, отсутствие квалифицированных рабочих не позволяли печатать книги. Сочинения провинциальных авторов вынужденно издавались в Москве и Петербурге. Даже в се-

²³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 31. 1810–1811. № 24687.

²⁴ Там же. № 24687.

²⁵ Орлов Б.П. Указ. соч. С. 303–304.

²⁶ Куфаев М.Н. Указ. соч. С. 104.

²⁷ Там же. С. 120.

²⁸ ПСЗ. Собр. 2. Т. 4. 1829. № 2702.

²⁹ Чернов А.С., Головащин А.Г. Тамбовское печатное слово. 2-е изд., доп. Воронеж, 1983. С. 39–40.

редине XIX в. выпуск книжной продукции могли «осилить» лишь 16 городов империи³⁰.

Слабость отрасли вызвала ряд протекционистских мер со стороны правительства. Положениями «Об издании губернских ведомостей» (27.10.1830 г.), «О порядке производства дел в губернских правлениях» (3.07.1837 г.) и «Учреждением губернских правлений» (02.01.1845 г.)³¹ типографии губернских правлений получили привилегию снабжать бланками все подведомственные Министерству внутренних дел учреждения и выпускать официальные периодические издания. В результате в 42 губерниях стали издаваться «Губернские ведомости»³², а необходимость их регулярного выпуска подтолкнула организаторов к приобретению недостающего оборудования, что неизбежно привело к расширению контингента обслуживающего персонала³³.

Субсидии, освобождение от налогов и почтовых пошлин, предоставление права бесплатного пользования производственными помещениями и гарантированные заказы обеспечили преимущественное развитие типографий губернских правлений³⁴. Местные власти, заинтересованные в наращивании производственных оборотов подведомственных им предприятий, поскольку извлекали из этого средства на усиление губернских канцелярий и вознаграждение чиновников, всячески охраняли и защищали их интересы. Кроме того, с 1854 г. особым циркуляром министра внутренних дел от 30 декабря 1853 г. губернским типографиям предписывалось оплачивать часть расходов статистических комитетов, в связи с масштабными работами и тратами последних по сбору и обработке статистических сведений³⁵. В 1860 г. данная практика была утверждена указом о реорганизации губернских и областных статистических комитетов³⁶. В дополнение ко всему с 1861 г. типографии регулярно отчисляли средства на «чрезвычайные и секретные» расходы Министерства внутренних дел³⁷.

Начиная с 40-х гг. XIX в. серьезную угрозу финансовым интересам предприятий губернских правлений начинают представлять типографии палат государственных имуществ. Первые из них появились по инициативе Министерства государственных имуществ в конце 1830-х гг., одновременно с организацией самих палат. В связи с подготовкой реформы государственной деревни функциональные нагрузки ведомства, а соответственно, и потребность в акцидентном печатании возросли. Увеличилось и число так называемых палатных типографий. Широкое

³⁰ 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. С. 291.

³¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 5. 1830. № 4036; Т. 12. 1837. Отд. 1. № 10304; Т. 20. 1845. Отд. 1. № 18580. Данные законоположения дополнялись целым рядом циркулярных предписаний. Так, предписание от 12 мая 1845 г. (№ 1119) содержало форму отчёта о типографских суммах, взыскиваемых за печать объявлений. В июне 1852 г., после обобщения мнений об эффективности «учреждений», они, с некоторыми дополнениями и изменениями, были приняты окончательно (См.: ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 45822).

³² Блюм А.В. Издательская деятельность в русской провинции... С. 153; По данным М.Н. Куфаева в 1838 г. «Губернские ведомости» выходили в 44 местностях (Куфаев М.Н. Указ. соч. С. 120).

³³ 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. С. 292.

³⁴ С 1807 до 1865 г. все губернские типографии ежегодно получали из казны по 1143 руб. (См.: ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 45106).

³⁵ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 45832. Л. 1–2.

³⁶ ПСЗ. Собр. 2. Т. 37. 1862. Отд. 2. № 38632.; ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 45106. Л. 1–4.

³⁷ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 45377. Л. 1.

распространение этих предприятий закрепил специальный указ от 12.02. 1857 г. Только за два года, с 1858 по 1860 г. печатные станки приобрели ещё пятнадцать палат. Вопреки заявленным целям, многие из них активно работали на широкий рынок и сразу составили опасную конкуренцию предприятиям от казны. В Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел потянулся поток губернаторских жалоб. Основное недовольство вызывал тот факт, что «в надрыв» губернским типографиям палатные исполняли частные заказы. Последовали призывы к ограничению и даже полному запрету их деятельности. Подобные обращения в министерство направили архангельский, пензенский и рязанский губернаторы³⁸.

Наряду с ростом казённого предпринимательства к 30-м гг. XIX в. в отечественной печатной отрасли стало более заметным участие частного капитала. Так, если в 1811 г. в империи действовало 43 частных заведения, то в 1833 г. уже 77 (без царства Польского и Финляндии)³⁹. Тенденция сохраняется и в последующие десятилетия. Например, в Москве и Петербурге с 1833 по 1850 гг. их численность удваивается. В итоге с конца 40-х гг. XIX в. соотношение предприятий частного и казённого секторов печатания в столичных городах выравнивается, а в Москве меняется в пользу частного (9 казённых предприятий и 11 частных)⁴⁰. Типографское и издательское дело всё больше и больше превращается из сферы любительства и меценатства в профессиональное занятие – основной источник доходов.

Аналогичные процессы, но с некоторым опозданием, наблюдались и в провинции. Во многих губернских центрах в это время действуют одновременно по несколько частных предприятий. Так, в Вятке в 1839 г. открылась типография купцов Блиновых, а вслед за нею и ещё две⁴¹.

Одной из причин активизации частного предпринимательства явилось повышение спроса на печатание конторских книг, визитных карточек, афиш и пригласительных билетов.

Широкие возможности в этом предоставляла литография или способ плоской печати, изобретённый немцем Алоизом Зенефельдером в 1797 г. В России он стал известен по публикации одного из основателей русской минералогии В.М. Севергина в 1803 г., но впервые опробован лишь в 1816 г. Почти одновременно с устройством первых столичных литографий, плоская печать нашла применение в глубинке. Именно в провинции (г. Астрахань) в октябре 1816 г. увидела свет первая русская литографированная книга под названием «Азиатский музыкальный журнал». В 1820 г. в Петербурге было издано практическое наставление «О литографии, или о способе печатания на камне», после чего способ получил быстрое распространение, а предприятия, основанные на его применении, составили успешную конкуренцию типографиям⁴². Подобным способом печаталась художественно-графическая, главным образом, цветная продукция: детские книжки, плакаты, иллюстрированные вкладки к изданиям, географические карты, а также всякая «мелочь»: пригласительные и свадебные билеты, визитные карточки, этикетки.

³⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 52. 1862 г. Д. 29. Л. 1–9.

³⁹ Орлов Б.П. Указ. Соч. С. 303–304.

⁴⁰ Горшков Ю.А. Промышленный переворот в полиграфической промышленности России (конец 1850-х г. – середина 1880-х г.): Дисс. ... канд. экон. наук. М., 1985. С. 25.

⁴¹ Кировской областной типографии 175 лет. Киров, 1972. С. 7.

⁴² Немировский Е.Л. Мир книги с древнейших времён до начала XX века. М., 1986. С. 173, 180.

Преимущество литографии заключалось в том, что она давала возможность печатать цветную продукцию разного формата, причём с высоким качеством цветопередачи⁴³.

В результате многие предприятия освоили цветную печать, а полиграфическая продукция стала более качественной. Не только в Москве и Петербурге, но и в провинции появилось многочисленных литографии, а вслед за ними и предприятия, комбинирующие два способа печатания, так называемые типолитографии. На какое-то время рост литографского производства начинает опережать типографское. Особенно заметным это было в столичных городах: здесь выше оказался спрос на иллюстрированные издания и акциденцию, легче было найти высококвалифицированных литографов-художников.

Темпы роста литографского производства на периферии были заметно ниже. Так, по данным на 1865 г. в Москве среди всех действующих предприятий значились: 21 типография, 11 типолитографий и 80 литографий; в Петербурге – соответственно 42, 25 и 59, а в остальной губернской-уездной России по данным на 1866 г. – 168, 67 и 88⁴⁴.

Однако, несмотря на положительную динамику, развитие полиграфической отрасли осуществлялось крайне медленно. Одним из факторов, сдерживающих её распространение, являлась острая нехватка профессиональных типографов и квалифицированных рабочих. Особенно она ощущалась в провинции, где предприятий было мало и рынка найма печатников не существовало. В столичных городах основным источником рабочей силы являлись крупные казённые типографии. В связи с поточным печатанием многочисленных и сложных заказов к рабочим здесь предъявлялись особые квалификационные требования. Так, например, для определения в первый чин, служащие типографии Министерства внутренних дел должны были пройти аттестацию по общим и специальным дисциплинам. Перечень общих дисциплин включал: краткий катехизис, чтение, чистописание и арифметику до тройного правила включительно. Дополнительно необходимо было продемонстрировать знание азбуки латинского и немецкого языков, а также хорошие навыки «искусства или мастерства, коего предназначался быть мастером». Аттестация проводилась управляющим типографии и местным священником в присутствии двух представителей министерства. Знания и навыки оценивались по десятибалльной системе. Испытание считалось пройденным при сумме баллов не ниже «половины полного числа». В случае неудачи допускались повторные попытки, но сдавать экзамены в третий раз запрещалось⁴⁵.

В провинции для того, чтобы наладить производство, специалистов приходилось привлекать извне. Долгое время знающих типографское устройство мастеров и опытных наборщиков, способных обучить мастерству, создать новые или наладить существующие производства, выписывали из Москвы и Петербурга, что сопрягалось с немалыми расходами. В 1804 г., отвечая на просьбу олонецкого губернатора о помощи в устройстве местной типографии, В.А. Плавильщиков – арендатор типографии Петербургского губернского правления, а позднее владелец одного из крупнейших столичных магазинов, писал: «... из хороших (наборщи-

⁴³ *Синяков Н.И.* Фотомеханические процессы за полвека // *Полиграфия.* 1967. № 11–12. С. 40.

⁴⁴ *Гориков Ю.А.* Промышленный переворот в полиграфической промышленности... С. 170.

⁴⁵ ПСЗ. Собр. 2. Т. 25. 1850. № 23997.

ков. – Е.К.) ни один не согласиться ехать к вам, разве за дорогую цену»⁴⁶. Действительно, вызванный из Петербурга первый наборщик и фактор⁴⁷ олонцевской типографии коллежский регистратор Алексей Пирогов получал весьма солидное по тем временам жалованье в 350 рублей годовых⁴⁸.

Практически во всех провинциальных городах в налаживании типографского дела принимали участие авторитетные столичные мастера. Чаще обращались в Москву: в типографии университета и Н.С. Селивановского⁴⁹, реже в Петербург: типографии губернского правления, Академии наук, а позднее Министерства внутренних дел⁵⁰.

В связи с предписанием об обязательном выпуске «Губернских ведомостей», для чего потребовалась более высокая организация производства, поток запросов о присылке специалистов увеличился. Только с 1835 по 1837 г. к Н.С. Селивановскому обратились правления Владимирской, Саратовской, Нижегородской, Воронежской и Тверской губерний⁵¹.

Ситуация стала меняться одновременно с ростом типографий губернских правлений. Пользуясь привилегией официальных предприятий печати, в результате всех преобразований и дотаций, к началу 1840-х гг. они значительно увеличили штаты и превратились в поставщиков квалифицированных типографских рабочих: наборщиков, мочильщиков, тискальщиков, батырщиков, печатников, накладчиков и приемщиков, а также управляющих и редакторов⁵².

Но и к середине XIX в. рынок вольнонаёмных типографских рабочих в провинции ещё не сложился. Даже в начале 1860-х гг. смотритель Тверской губернской типографии сетовал, что «трудно в Твери найти хорошего наборщика», в связи с чем призывал «заменить рабочие руки, которые год от года дорожают», современной скоропечатной техникой⁵³. Часто рабочих приходилось «перекупать». Более солидные типографии содержали учеников в возрасте с 13–14 лет, на обу-

⁴⁶ Цит. по: *Куфаев М.Н.* Указ. соч. С. 49.

⁴⁷ Фактор – обозначение должности ответственного приёмщика и управляющего в типографиях дореволюционной России. Фактор вёл переговоры и принимал заказы, составлял смету на их исполнение, распределял работы в типографии и наблюдал за порядком их осуществления, а также исправностью оборудования и правильностью корректуры (ПСЗ. Собр. 2. Т. 20. 1845. № 18589).

⁴⁸ *Куфаев М.Н.* Указ. соч. С. 50.

⁴⁹ Селивановские – династия деятелей книги конца XVIII – первой половины XIX в. Семён Иоанникович (1772–1835) – бывший крепостной, наборщик, книготорговец. В 1793 г. основал в Москве типографию. За 66 лет здесь было выпущено около 900 изданий на русском и иностранных языках. В 1807 г. при типографии открылась платная библиотека для выдачи книг на дом. Из лавки С.И. Селивановского книги рассылались в 116 городов страны. После смерти отца в 1835 г. предприятие возглавил Николай Семёнович Селивановский.

⁵⁰ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 124. Л. 6.

⁵¹ Кировской областной типографии 175 лет. С. 6.

⁵² См.: *Чернов А. Головашин А.* Указ. соч. С. 40.; *Орлов Б.П.* Указ. соч. С. 108; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 124. Л. 7об., 13, 16об.

⁵³ Мочильщик, тискальщик, накладчик и батырщик – обозначения различных специальностей рабочих печатно-машинного отделения типографий дореволюционной России. Мочильщики замачивали бумагу, так как печатание производилось только по мокрой бумаге. Накладчики укладывали приготовленную бумагу на типографские станки. Батырщики накатывали краску на полосы набора. Тискальщики делали оттиск, предназначенный для просмотра корректором (См.: *Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.* СПб., 1901. Т. 33. С. 208).

⁵⁴ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 45186. Л. 1, 55об.

чение которых уходило не менее 3–4 лет. Небольшие ведомственные предприятия, особенно при военных частях, зачастую в приказном порядке ставили к печатному станку кого-либо из числа младших служащих, что не могло не сказываться на качестве продукции. Острый дефицит рабочей силы в сочетании с потребностью расширения производства ускорили процесс механизации предприятий.

Техническое переоснащение полиграфического производства простимулировало изобретение немецкого типографа Ф. Кенига. В 1811 г. он создал одноцилиндровую скоропечатную типографскую машину, которая позволяла получать до 800 печатных оттисков в час. Следом сконструировал и другую, с двумя цилиндрами, дающую уже 1100 оттисков в час. Новая техника позволяла повысить производительность труда печатников в 4–10 раз.

Процесс замены ручного труда начался с казённых предприятий. Первая скоропечатная машина была установлена в типографии Библейского общества в 1817 г. Затем, в 1820–1830-е гг., машины разных фирм-производителей заработали на фабрике Экспедиции заготовления государственных бумаг, в Сенатской и Синодальной типографиях. Переход к использованию новой техники осуществлялся медленно и трудно. К тому же механизации подверглись лишь отдельные технологические операции типографского производства. Казённые и ведомственные предприятия не спешили устанавливать новое оборудование. Нарастание объёмов производства здесь по-прежнему достигалось за счёт увеличения численности рабочих. В итоге количество занятых в обслуживании одного печатного станка в казённых типографиях почти вдвое превышало показатели частных предприятий⁵⁴.

В следующем десятилетии процесс ускорился. Только за 1844 г. в Москве скоропечатными машинами было оборудовано пять из восемнадцати предприятий. Однако удельный вес современной техники оставался небольшим: на каждые шесть скоропечатных машин в московских типографиях приходилось 62 ручных станка⁵⁵. В провинции внедрение новой техники началось позднее, во второй половине XIX в.

Механизация осуществлялась в основном за счёт привозного оборудования, хотя уже в конце 1820-х гг. в России появились первые машины отечественного производства. Их выпуск освоил механический цех Александровской мануфактуры и чугунолитейный завод в Петербурге. Одна из них, сконструированная и изготовленная на Александровской мануфактуре, была установлена в 1829 г. в столичной типографии Н.И. Греча и использовалась для печатания газеты «Северная пчела»⁵⁶.

Внедрение машин не только повысило скорость и качество печатания, но и ускорило формирование рынка вольнонаемных рабочих. Процесс капитализации отрасли стал осуществляться интенсивнее.

С середины XIX в. значение печати и типографского дела неуклонно нарастало. В преддверии политического и экономического кризиса печатное слово становится единственным средством выражения общественного мнения. Вместе с тем стеснённая рамками устаревшего производства и противоречащими друг другу законами отрасль не могла развиваться в соответствии с потребностями времени.

⁵⁴ Горшков Ю.А. Указ. соч. С. 21.

⁵⁵ Орлов Б.П. Указ. соч. С. 128–130.

⁵⁶ Немировский Е.Л. Мир книги. С. 192.

На основании норм торгово-промышленного законодательства дореволюционной России печатное дело не признавалось сферой промышленности. Типографии и литографии причислялись к художественным заведениям, связанным не с хозяйственной, а с культурной деятельностью, и не являлись полноправными объектами торгово-промышленного права. В результате их владельцы не могли пользоваться налоговыми льготами, которые, например, предоставлялись на основании промысловых свидетельств собственникам торговых предприятий⁵⁷, ограничивались в правах на получение банковских кредитов, так как считались некредитоспособными⁵⁸. Примечательно, что в отношении казённых предприятий вопрос решался иначе: все типографии губернских правлений регулярно получали от казны безвозвратные и беспроцентные кредиты. Лишь в 1895 г. заведения с числом рабочих более 15 (а при наличии механического двигателя – независимо от того) были приравнены к фабрично-заводским предприятиям⁵⁹, но это касалось только надзора за промышленностью.

Всячески сдерживалась частная инициатива в типографском и издательском деле. Ограниченной правоспособностью обладали офицеры, священнослужители, монашествующие, лица, лишённые прав состояния и не достигшие 17 лет⁶⁰. Лицам неправославных конфессий (к примеру, евреям) разрешалось открывать типографии лишь при наличии приписки их к купечеству и только «в местах дозволенного проживания», обусловленных чертой оседлости в 1791 г. К тому же печатание собственных книг могло осуществляться ими только в двух типографиях: в Житомире и Вильно, и облагалось большими пошлинами⁶¹.

Из-за возможных осложнений в разрешении юридических споров ограничивалось женское участие в типографском и книготорговом деле. Замужние женщины не имели права без согласия мужа наниматься в приказчицы и производить сделки от чужого лица, что, однако, не распространялось на отделённых от родителей девиц, вдов и разведённых жен. Но это обстоятельство в расчёт, как правило, не принималось. Многочисленными циркулярами Министерство внутренних дел настоятельно рекомендовало губернаторам во избежание сложностей полицейского надзора и судебных разбирательств отклонять от открытия новых заведений всех представительниц женского пола, а также «лиц неизвестных или слишком молодых». Более того, при выдаче разрешений местные власти должны были «сообразовываться» с количеством уже существующих типографий, что служило хорошей уловкой для отказов неугодным просителям⁶². Вплоть до 1898 г., когда на основании принятого Положения о государственном промысловом налоге право заниматься торговлей или промышленностью стало независи-

⁵⁷ Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России // История предпринимательства в России. М., 1999. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. С. 35.

⁵⁸ Орлов Б.П. Указ. соч. С. 205.

⁵⁹ Вестник печатного дела. 1908. № 4. С. 12.

⁶⁰ Поткина И.В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2000. С. 306–307.

⁶¹ С 1845 по 1862 гг. оплачивалось по 1,5 копейки за каждый отпечатанный лист издания. С 1862 г. плата стала взиматься с типографского оборудования: с каждого ручного станка – по 20 рублей ежегодно, со скоропечатной машины малого формата по 120 рублей, большого формата – по 240 рублей (ПСЗ. Собр. 2. Т. XX. 1845. № 19474; Т. 37. 1862. № 38213).

⁶² Циркуляры Главного управления по делам печати от 29.08.1866 г. и 19. 06. 1874 г. (См.: ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 8036. Л. 22; Орлов Б.П. Указ. соч. С.138).

мым от сословной принадлежности, всячески затруднялся доступ к печатному предпринимательству представителей низших сословий. Запрещалось содержать типографии и книготорговые заведения в разных городах под ответственность одних и тех же лиц⁶³. Наконец, все желающие заняться этим видом деятельности допускались к нему только после подтверждения полицейскими органами их благонадёжности⁶⁴. Получалось, что сама разрешительная система учреждения типографий существенно подрывала права распоряжения ими: продажу или передачу по наследству, так как каждый раз при смене владельца возникал риск не получить очередное свидетельство.

Достаточно жёстко регламентировался порядок выпуска и обращения полиграфической продукции. Частным типографам и издателям запрещалось выпускать календари, богослужебную литературу, перепечатывать издания Академии наук и указы Сената, тиражировать записки частных лиц по тяжёлым и уголовным делам, издавать без разрешения Медико-хирургической академии или медицинских факультетов университетов периодические журналы по части медицины и гигиены⁶⁵. В октябре 1849 г. специальным указом вновь были подтверждены обязанности издателей доставлять в Императорскую публичную библиотеку обязательные экземпляры всех выпускаемых в империи книг⁶⁶. Учреждением в 1850 г. специального «Комитета для рассмотрения учебных книг и других пособий»⁶⁷ в значительной мере стеснялась издательская инициатива по выпуску учебной и детской литературы. Комитет осуществлял предварительный просмотр «всякого рода учебных книг, руководств, сочинений и переводов», а также предлагаемых к выпуску детских книг, после чего издания подлежали общей цензуре. В случаях разногласий между двумя инстанциями надлежало обращаться в Главное управление цензуры. Подобные бюрократические проволочки гасили издательскую инициативу.

Усложнял процесс производства и распространения печатной продукции и строгий контроль самих предприятий. На издательства и типографии постоянно обрушивались цензурные и административные преследования, полицейский и судебный произвол. Нарушители правил печати преследовались по закону. На основе принятого в августе 1845 г. «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», специальный отдел которого посвящался определению мер наказания за несоблюдение «постановлений о книгопечатании и торговли книгами», их могли подвергнуть штрафам (от 10 до 100 рублей), или тюремному заключению (от 3 до 12 месяцев), на срок которого предприятия закрывались⁶⁸.

По мере нарастания общественно-политического кризиса в стране цензурный режим ужесточался, ширился круг ведомств и учреждений, имевших право цензурирования печатной продукции, а вместе с тем росли и возможности административного произвола. Разветвлённая система цензуры подразделялась на внутреннюю и иностранную. Особыми правами обладала духовная цензура. Полномочия просматривать и одобрять к печати книги, журнальные и газетные статьи в разное

⁶³ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 8036. Л. 22; Орлов Б.П. Указ. соч. С.138.

⁶⁴ ПСЗ. Собр. 2. Т. 33. 1858. № 32885.

⁶⁵ Там же. Собр. 1. Т. 26. 1800–1801. № 19956; Собр. 2. Т. 21. 1846. № 20640; Т. 25. 1850. № 24269.

⁶⁶ ПСЗ. Собр. 2. Т. 24. 1849. № 23733.

⁶⁷ Там же. Т. 25. 1850. № 24120.

⁶⁸ Там же. Т. 20. 1845. № 19283.

время имели министерства Двора, Финансов, Военное, Внутренних дел, II и III отделения С.Е. Императорского Величества канцелярии, Военно-топографическое депо, шеф жандармов, Почтовый департамент, Вольно-экономическое общество, Комиссия построения Исаакиевского собора, Главное попечительство детских приютов и др.⁶⁹

Систематически издаваемые в течение трех десятилетий секретные циркуляры и предписания настолько запутали и усложнили цензурное законодательство, что сделали практически невозможным его дальнейшее применение. В результате при рассмотрении тех или иных произведений цензоры очень часто руководствовались «личными воззрениями».

Вопрос о положении печати стал одним из главных в политике правительства, вынужденного приступить к пересмотру цензурного законодательства. 6 декабря 1855 г. был закрыт Комитет 2 апреля 1848 г., чью семилетнюю деятельность называли эпохой цензурного террора. С 1857 г. началась подготовка нового цензурного устава. Несколько упростился порядок регистрации предприятий. С 1858 г. право выдачи разрешений на открытие типографий в губерниях и областях перешло в ведение к гражданским губернаторам и начальникам областей⁷⁰.

Даже этих незначительных мер оказалось достаточно, чтобы на волне общественного подъёма типографское дело и книгоиздание активизировались. Если в первой четверти XIX в. книги выпускались только в 16 городах, то к 1860 г. – уже в 33⁷¹, объёмы их производства удвоились. В то же время почти на треть (с 62 610 до 93 429) возрос листаж выпускаемых книг⁷².

Более разнообразной и многочисленной стала периодика. С 1855 по 1860 г. ежегодно отмечалось появление новых газет и журналов. Всего за шесть лет в стране было зарегистрировано 151 новое периодическое издание⁷³. С ростом газетного дела интенсивнее стало осуществляться внедрение новой техники.

Безусловно, на протяжении первой половины XIX в. в России отмечался существенный рост полиграфических производств, но в целом развитие отрасли в значительной мере отставало от ряда европейских стран. Так, например, в Германии к 1855 г. насчитывалось 2565 предприятий, в то время как в России их количество составляло только пятьсот⁷⁴. Более того, наблюдались резкие диспропорции в размещении полиграфических ресурсов на обширных территориях страны. Почти четверть всех предприятий концентрировалось в столичных городах. Со временем ситуация не менялась. Так, в 1811 г. в Москве и Петербурге сосредоточивались 27,4 % действующих типографий, в 1865 г. – 23 %⁷⁵.

Таким образом, в первой половине XIX в. на фоне роста потребностей в издательской продукции в России происходит становление самостоятельной полиграфической отрасли. Издательское и типографское дело перестает быть государственной и столичной монополией. Формируется законодательство в области полиграфического предпринимательства: определяется порядок учреждения предприятий, контроля их действий, выпуска и обращения печатной продукции. С 1811 по

⁶⁹ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 62.

⁷⁰ ПСЗ. Собр. 2. Т. 33. 1858. № 32885.

⁷¹ 400 лет русского книгоиздания. Т. 1. С. 291.

⁷² Куфаев М.Н. Указ. соч. С. 157.

⁷³ Там же. С. 154.

⁷⁴ Подсчитано: Горшков Ю.А. Указ. соч. С. 170; Куфаев М.Н. Указ. соч. С. 125.

⁷⁵ Горшков Ю.А. Указ. соч. С. 170.

1865 г. в стране более чем в три раза увеличивается число типографий. Книгопечатание распространяется на провинциальные города. Совершенствуется полиграфическая техника, способы и технологии печатания. Появляется и получает быстрое распространение литография, дающая возможность цветного воспроизведения иллюстраций. Комбинирование различных способов печати приводит к укрупнению предприятий и повышению качества печатной продукции, увеличению её разнообразия.

Однако такие факторы, как низкий промышленный потенциал страны, дефицит грамотных квалифицированных рабочих, неразвитость читательских потребностей и слабость книжной торговли тормозили рост типографского дела. В подобных условиях особое значение получала правительственная поддержка.

Важную роль в развитии печатного дела сыграли правительственные меры по усилению административной деятельности и усложнению делопроизводства различных бюрократических структур. Создание в масштабах страны с огромными территориальными пространствами однотипных предприятий печати, с одной стороны, облегчало задачи по преодолению культурной отсталости страны, с другой – сохраняло возможности регулирования процесса. В результате последовательно принятых с 1773 по 1852 г. правительственных указов, казённое печатание получило преимущественное развитие и до середины XIX столетия преобладало в отечественном полиграфическом производстве. В провинции широко распространились типографии при губернских правлениях и палатах государственных имуществ. Постепенно формировалась условия для дальнейшего развития отрасли: складывались локальные рынки типографских рабочих и полиграфического оборудования, совершенствовалась полиграфическая база книгоиздания. Вместе с тем, непоследовательность правительственной политики, проявившаяся в поддержке казённых предприятий и официальной печати, ограничении частной предпринимательской активности и печатания, с одной стороны, и ограничении частной предпринимательской активности и печатания – с другой, предопределила значительное отставание и неравномерное развитие отрасли.

Преобладающей формой организации типографского производства оставалась казённая мануфактура, основанная на применении ручного труда. Предприятия от казны, обеспеченные кредитами, а также стабильными заказами со стороны государства, не спешили переходить к использованию современной техники, по-прежнему, достигая увеличения производительности труда за счёт увеличения численности рабочих. Начавшееся техническое переоснащение наиболее крупных столичных предприятий так и не изменило характер полиграфического производства.

Литература:

Басин О.Я. Полиграфический словарь. М., 1964.

Блюм А.В. «Блаженства райска плод вкушаем в Ярославле...» // В мире книг. 1984. № 9.

Блюм А.В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVIII – начала XIX в. // Книга. Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 12.

Горшков Ю.А. Промышленный переворот в полиграфической промышленности России (конец 1850-х г. – середина 1880-х г.): Дисс. ... канд. экон. наук. М., 1985.

Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв.: Учеб. пособие. М., 2001.

- Куфаев М.Н.* История русской книги в XIX в. Л., 1927.
- Немировский Е.Л.* Мир книги с древнейших времён до начала XX века. М., 1986.
- Орлов Б.П.* Полиграфическая промышленность Москвы: Очерк развития до 1917 г. М., 1953.
- Поткина И.В.* Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России // История предпринимательства в России. М., 1999. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX века.
- Поткина И.В.* Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2000.
- Семенников В.П.* Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII – начале XIX в. Общий очерк типографского дела в провинции с 1765 по 1807 г. // Русский библиофил. 1911. № 6.
- Синяков Н.И.* Фотомеханические процессы за полвека // Полиграфия. 1967. № 11–12.
- Чернов А.С., Головащин А.Г.* Тамбовское печатное слово. 2-е изд., доп. Воронеж, 1983.
- Щелкунов М. И.* Искусство книгопечатания в его историческом развитии. М., 1923.
- Энгельгардт Н.А.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904.

E.G. Kiryanova

DEVELOPMENT OF THE TYPOGRAPHY AND PUBLISHING IN RUSSIAN PROVINCE (END OF XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURY)

Summary

The article analyses preconditions of the typography development in Russian Province, describes legislative regulation of the establishing of the provincial typographies, traced the history of typography from the end of XVIII – first half of XIX century. Present research based on achievements of Russian scholars, legislative acts published in Comprehensive Collection of Laws of Russian Empire and archive materials from Russian State Historical Archive and State Archive of Tver Region.

Keywords: typographical business, publishing, the Russian province, polygraphic manufacture, publishing
